

СЕРГЕЙ ЗВЕРЕВ

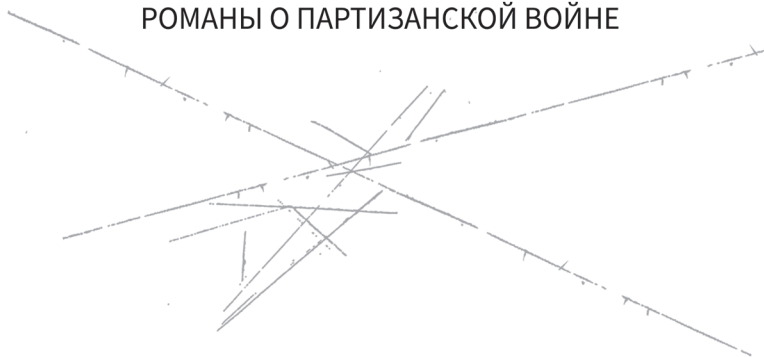
ОПЕРАЦИЯ СПАСЕНИЯ

МОСКВА

ЛЕСНАЯ ГВАРДИЯ

РОМАНЫ О ПАРТИЗАНСКОЙ ВОЙНЕ

СЕРГЕЙ ЗВЕРЕВ

ОПЕРАЦИЯ СПАСЕНИЯ

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
3-43

Зверев, Сергей Иванович.

3-43   Операция спасения / Сергей Зверев. — Москва : Эксмо, 2025. — 320 с. — (Лесная гвардия. Романы о партизанской войне).

ISBN 978-5-04-223167-4

1941 год. В польских лесах действует небольшой партизанский отряд из бывших советских заключенных. Руководит им капитан-пограничник Петр Романчук. Здесь же, в отряде, его жена и сын. Смельчаки уже сумели добыть оружие, пустить под откос вражеский состав и при помощи трофейной радиостанции связаться с «большой землей». Оттуда получен приказ: оставаться на месте и ждать связного. Но капитан и его товарищи не собираются сидеть без дела. Особенно когда рядом фашистский концлагерь, в котором томятся тысячи узников и среди них — дочь Романчука. У партизан зреет дерзкий план по освобождению девушки...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-223167-4

© Зверев С.И., 2025
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2025

ГЛАВА 1

Холодное утро. Туман стелется над изуродованными шпалами и искореженными рельсами, словно сама земля пытается скрыть следы разрушений. Вагоны еще валялись вдоль полотна, но самое главное для нацистов — быстрее восстановить железнодорожное полотно. Надзиратели в серо-зеленой форме подгоняют прикладами группу узников, чьи силуэты сливаются с серым небом. Их руки, обмотанные тряпьем, цепляются за ломы и лопаты. Каждый шаг отзывается болью — от ран, голода, бесконечного страха. Но работа должна быть закончена: фашистам нужна железная дорога. И охрана свирепствует.

Офицер кричит что-то по-немецки, его голос рвет тишину как пулеметная очередь. Собаки с пеной на зубах рвутся с поводков, заходясь в злобном лае. Узники молча ковыряют землю, слежавшийся щебень, выравнивают шпалы, ставят на место рельсы. Металл звенит под ударами кувалд — ритм, похожий на погребаль-

ный марш. Кто-то из заключенных роняет кирку, и тут же в его сторону поворачивается ствол винтовки. «Schneller!» — рычит охранник.

Они работают, но их движения замедленны, будто нарочно. Как же хочется ослабить болты, подложить под шпалы щебень неровным слоем так, чтобы через неделю насыпь просела. Но за это смерть. Немцы будут проверять укладку шпал и рельсов, затяжку гаек. Они прогонят через этот участок дрезину. И если что-то заподозрят, то смерть будет страшной.

Могут тут же затравить насмерть собаками, могут положить на рельсы и проехать дрезиной. А могут устроить показательную казнь в лагере. Узники переглядываются. Разговаривать нельзя, но каждый из них понимает, что состав сошел с рельсов и свалился под откос не просто так. Это постарались партизаны, а значит, есть надежда на спасение.

К полудню ветер разгоняет туман, обнажая линию горизонта. Рельсы, будто змеи, снова тянутся вдаль, но их геометрия обманлива. Нацисты проверяют работу, и узники под конвоем возвращаются в бараки. Их спины сгорблены, но в глазах — не покорность, а надежда. Они знают: партизаны вернутся. А пока — пусть фашисты везут по этим путям свои эшелоны. Чем дальше, тем страшнее будет катастрофа.

После разговора с товарищами Александр Канунников под предлогом понаблюдать за железной дорогой ушел в лес. То, что немцы не обнаружили спрятанный в тайнике железный «башмак», с помощью которого партизаны устроили крушение поезда, было чудом. Может быть, собак сбил с толку запах металла, который был сильнее запаха человека, который держал его в руках. Но скорее всего, собак отвлекал другой запах. Запах изувеченного человеческого тела, запах крови. Там рядом лежал мертвый Франтишек. Поляк умирал, когда заместитель коменданта концентрационного лагеря Вагнер разрядил в него всю обойму своего пистолета. Немец был в бешенстве и из-за того, что случилось это крушение, и из-за того, что не удалось захватить ни одного партизана живым. А ведь с этим крушением рушились и его личные планы — попользоваться в корыстных целях медикаментами, которые прибывали с этим составом.

Железнодорожное полотно восстанавливали. Лейтенант стоял за стволом мощного раскидистого дуба, наблюдая за работой пригнанных для проведения ремонта заключенных из лагеря, и размышлял. Им повезло найти на месте крушения военного состава радиостанцию в исправном состоянии. Им удалось даже по-

пасть на армейскую частоту и связаться со штабом какого-то советского подразделения. Может, полка или даже дивизии. Жаль, что связь пришлось прекратить из-за того, что поблизости появились немцы, и теперь повторить сеанс возможно. Теперь есть надежда на помощь своих, на помощь Родины!

Но все оказалось не так просто, и отношение товарищей к этой ситуации, отсутствие единодушия расстраивало Александра. Особист капитан Сорока однозначно был против всякой связи с советским командованием. Он почему-то был уверен, что «там» не поймут, не поверят. Если советские военнослужащие находятся возле фашистского концентрационного лагеря, то они обязательно предатели и находятся в стоворе с врагом. Нельзя вообще упоминать, где они были, если удастся отсюда выбраться. Почему он так считал, Александр не мог понять. Откуда у советского командира столько недоверия?

А Петр Васильевич молчал и вздыхал. А ведь для Александра как раз Романчук, капитан-пограничник, был примером, непререкаемым авторитетом. Даже больше — надеждой на спасение. А тот молчал и вздыхал. Петра Васильевича и его жену Елизавету понять было можно. Им удалось избежать плена, а вот их дочь Светлана оказалась в лагере Аушвиц. И они не хотят от-

сюда уходить, пока не освободят дочь. Конечно, мысль освободить всех советских военнопленных казалась заманчивой, но, сколько ни думал Саша Канунников, он никак не мог представить, как с такими силами совершить задуманное. Лагерь хорошо охранялся, он разрастался на глазах. Поляков усиленно отселяли и расширяли зону лагеря, строили новые бараки, используя и старые помещения предприятий.

Мы можем собрать большие силы, сплотить поляков, организовать других противников фашизма. Но сколько на это уйдет времени? Много. Не лучше ли пробраться к своим на восток, ведь Красная армия не разбита, Москва стоит. И там рассказать командирам, что здесь происходит, как в неволе томятся люди, предназначенные к умерщвлению. И тогда Красная армия ударит сюда и освободит и русских, и поляков. Мы сделаем все, чтобы найти и освободить Светлану Романчук, и отправимся на восток, решил молодой лейтенант. И тогда капитана ничего здесь удерживать не будет. Без него трудно справиться, потому что у Петра Васильевича больше опыта, и жизненного, и военного. С ним надежнее. Просто мы больше поможем товарищам, если приведем сюда армию, силу, а не будем сами тыкаться почти безоружные в колючую проволоку огромного лагеря. Но

друзья, те, кто с ним сейчас, не все готовы уйти. Значит, и я должен пока остаться и помочь хотя бы тем, кто спас мне жизнь, кто помог мне.

Канунников смотрел из-за дерева на сутулые фигуры узников в полосатых робах, и сердце его снова наполнялось ненавистью. Кто дал вам право возноситься над миром, над человечеством, кто дал вам право убивать, мучить других людей только потому, что они говорят на другом языке, у них другая национальность? Сколько горя Сашка увидел здесь за эти дни. А сколько он успел вынести сам, побывав там, в лагере, выжив чудом. И не меньшим чудом был его побег, когда из десятков узников вырваться удалось ему одному. Но теперь он здесь, с друзьями, у них есть оружие и есть радиостанция — связь с Родиной!

...Когда Канунников вернулся в партизанский лагерь, там уже находился Якоб Аронович. Старый провизор был бледен от усталости и от волнения. Инженеры Николай Лещенко и Сеня Бурсак буквально на руках принесли его в лагерь. И сейчас, сидя в той самой пещере, в которой они изготавливали железный «башмак», все грелись у костра и ждали, когда в котелке закипит вода.

— А, Саша! — старый еврей развел руками, как будто хотел сказать что-то в оправдание, но потом только махнул рукой.

— Что удалось узнать, Якоб Аронович? — спросил Канунников, усаживаясь на край самодельной деревянной лавки.

— Новости у меня плохие, пасмурные, как погода на улице, — заговорил старик, глядя опустошенным взглядом на огонь. — Тело несчастного Франтишека они забрали. Похоронить его не удастся, а это значит — мучиться его душе теперь неизвестно сколько, пока бог не найдет его и не призовет к себе. Эти... не знаю, как их назвать даже... враги рода человеческого увезли его тело на территорию лагеря и повесили там за ноги перед бараками русских военнопленных. Для устрашения. Я не знаю, но мне кажется, что нацисты понимают, что пустить поезд под откос могли только русские.

— Я там сейчас на железной дороге видел узников, — вздохнув, стал рассказывать лейтенант. — Их заставили ремонтировать насыпь, менять шпалы и рельсы. Изможденные, у них совсем нет сил, а они таскают тяжелые рельсы, падают, еле везут тачки. А их заставляют еще и трамбовать откосы. И я подумал, товарищи... а ведь если бы не мы, они бы не уродовались там сейчас.

— Ты думаешь, что у немцев не нашлось бы другой работы для узников? — усмехнулся Лещенко. Помолчал и добавил: — Валентин плох.

Вроде бы и воспаления нет, перелом зафиксировали, но самочувствие у него все такое же... не ахти! Мерзнет, а согреть его нечем. А скоро придут холода.

Зашуршали камни, и партизаны настороженно повернули головы. Это пришли Елизавета, жена капитана Романчука, и Зоя. Женщины принесли кружки для чая и кастрюльку с кашей, чтобы разогреть ее и накормить мужчин. Елизавета молчала, поджав губы. Она даже не стала ничего говорить, расспрашивать. Передала кастрюльку и сразу же ушла в шалаш. В тягостной тишине мужчины проводили ее взглядом.

— Игорь не вернулся, — кутаясь в старенькое, не по росту женское пальто, стала рассказывать девушка. — Если с ним что-то случится, она, боюсь, просто не переживет. Сначала дочь, потом сын.

— Не спеши, Зоя, — перебил девушку Саша. — Про дочь еще ничего не известно, Игорь паренек смысленый. Все будет хорошо, а волноваться она должна, она ведь мать... А где Сорока, где капитан?

— Сорока сидит с Никодимовым, а Петр Васильевич отправился навстречу сыну.

Пока все жадно ели горячую, с огня, кашу, Зоя Лунева сидела и смотрела на Сашу. Поче-

му-то девушка больше всего верила во всем отряде именно ему. Может, она влюблена в меня, часто думал Канунников, но потом отгонял эту неуместную мысль. Фу, глупости какие! И тут же его мысли возвращались к Агнешке Дашевской, в прошлом ленинградской девушке Анне Кораблевой. Вот кому по-настоящему плохо. Одна в чужой стране, захваченной гитлеровцами. Муж умер, а ей приходится общаться с этим мерзким Карлом Вагнером...

Уставшие, замерзшие, Петр Васильевич с сыном добрались до партизанского лагеря только в сумерках. Оказалось, что Игорь промочил ноги, потому что ему пришлось прятаться на берегу от немцев, и отец, когда встретил его и понял, что случилось, заставил до самого лагеря бежать, чтобы не замерзнуть. Елизавета ворчала, заставляя парня снимать обувь, носки. Она усадила его у костра, в который Лещенко и Бурсак подбросили дров, заставила пить горячую воду, а потом и поесть. Когда ноги, протянутые к самому огню, согрелись, мать замотала их шарфом и не отходила от Игоря, пока он не поел. Романчук отвел Александра в сторону и стал рассказывать.

— Плохи наши дела, лейтенант. Немцы на станции снимают с поезда маршевый батальон, который следовал на фронт. Это уже второй.

Вчерашний разместили в здании школы, выставили часовых. Солдат в город не отпускают. А на площади начинают собираться грузовики самого разного вида и принадлежности. Я видел даже два гражданских автобуса.

— Думаете, что немцы собираются усиливать гарнизон из-за наших активных действий?

— Не думаю, — капитан отрицательно покачал головой, сорвал засохший дубовый лист и, размяв его в пальцах, понюхал. — Зима скоро... Якоб Аронович тоже обеспокоен на этот счет. Он говорит, что планы у немцев так просто не меняются. Если запланировано, что в этом населенном пункте должен стоять гарнизон в сто человек, то так и будет. Изменить плановую численность можно только путем долгих запросов, объяснений и подтверждений.

— Значит, они готовят масштабное прочесывание местности? И это из-за нас.

— И вторая угроза — это приближающаяся зима. Здесь негде устроить такой лагерь, в котором мы могли бы пережить зиму.

— Да, здесь не такие леса, как у нас, хотя зима и явно теплее, — согласился Канунников. — Я тоже думал о том, как нам действовать, когда придут холода. А если немцы сейчас оставляют здесь такие силы, то они точно настроены оты-